

Ю.Б. ЕПИХИНА

СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

ЕПИХИНА Юлия Борисовна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (epikhina@gmail.com).

Аннотация. *Анализируются итоги работы секции «Глядя назад и глядя вперед: настоящее, прошлое и будущее социально-стратификационных исследований» XIX Всемирного социологического конгресса. В обзоре представлены тематика, теоретические основания и методология современных стратификационных исследований. Акцент сделан на раскрытии инновационных идей, обогащающих социологическое знание.*

Ключевые слова: Всемирный социологический конгресс • стратификация • неравенство • мобильность

DOI: 10.31857/S013216250003998-0

Стратификационная теория задумывалась как альтернатива структурному объяснению существующего в обществе неравенства. Вместо классов, возникающих на основе собственности на средства производства (К. Маркс) или разделения труда (Э. Дюркгейм), ответственность за неравенство возлагается на социальные институты. Классовой борьбе, меняющей позиции классов в классовой структуре, низводящей одних и возводящей других и обостряющейся по мере усиления неравенства, противопоставляется мобильность – способность общества при помощи институтов обеспечить перемещение как целых социальных групп, так и индивидов по ступенькам социальной иерархии. Разнообразие исследовательских направлений, применяемых методов, выявленных закономерностей, объемности проводимых исследований подталкивают исследователей к тому, чтобы время от времени производить своего рода ревизию того, что сделано, подводить итоги, создавать классификации.

Обзоры публикаций социально-стратификационных исследований появляются с 1950-х гг. Одним из первых стал подготовленный Г.В. Пфотцем обзор, охватывающий публикации с 1945 г. до первой половины 1950-х гг. [Pfautz, 1953: 392]. В 1991 г. Г. Ганзебум, Д. Трайман и В. Ульти описали три поколения стратификационных исследований [Ganzeboom et al., 1991], к которым в 2000 г. добавилось четвертое [Ganzeboom, Treiman, 2000]. В их трактовке исследования различаются по ключевой проблематике, сбору данных, способам измерений, аналитическим моделям, основным гипотезам и полученным результатам. Вклад RC28 (исследовательского комитета по стратификационным исследованиям Международной социологической ассоциации) в общее состояние стратификационных исследований был определен М. Хаутом и Т.А. ДиПрете [Hout, DiPrete, 2006]. Этот обзор включал 19 эмпирических обобщений иерархий (ранжирования) профессиональных занятий, результатов исследований мобильности, роли института образования, гендерного неравенства и др.

В ходе Всемирного социологического конгресса в Торонто также была предпринята попытка подвести некоторые итоги и наметить будущее стратификационных исследований на секции «Глядя назад и глядя вперед: настоящее, прошлое и будущее социально-стратификационных исследований». На ней были представлены три исследования, по замыслу организаторов секции отражающие основные направления стратификационных исследований, – неравенство, профессиональная мобильность, классовый анализ. В трех докладах

сложно было представить все многообразие исследований социальной стратификации, применяемых методов и выбираемых исследовательских стратегий. Но анализ материалов конгресса [Book of Abstracts..., 2018]¹ – около 140 докладов – позволяет понять современное состояние стратификационных исследований с точки зрения актуальной проблематики, теоретических оснований, исследовательских стратегий и используемых данных.

Что исследуют? Очевидно, что в фокусе стратификационных исследований – виды неравенства и их последствия, причем наряду с традиционными, привычными подходами и способами проблематизации присутствуют новации.

По-прежнему актуальна проблематика **образовательного неравенства**, которое предстает либо как результат воздействия других неравенств (доходного, территориального, статусного, этнического), либо как следствие состояния самого института образования. В первом случае новаторский аспект заключается в том, что воздействие «привычных» неравенств, ответственных за формирование образовательного неравенства, может быть дифференцировано и иметь различные последствия в разных социальных группах. Например, одним из ключевых факторов, приводящих к неравенству в получении образования, является место жительства. К. Веслинг рассматривает, как по-разному влияние фактора места жительства обуславливает выбор учиться или не учиться и выбор специализации в группах, дифференцированных по социальному происхождению, этнической принадлежности и полу. Вывод исследователя заключается в том, что юные выходцы из семей с низким статусом или семей мигрантов сильнее, чем выходцы из семей с более высоким статусом, зависят в образовательном выборе от возможностей, которые предлагаются местным контекстом (с. 1017).

Во втором случае в качестве источника возникновения неравенства рассматривается реформирование института образования. Влияние институциональных изменений на уровень образовательного неравенства рассматривается на примере Германии, система образования которой пережила реформирование в связи с объединением двух государств. Согласно результатам когортного анализа, проведенного Б. Бетхаузером (с. 131) на данных двух исследований, накануне объединения уровень образовательного неравенства в Восточной Германии был существенно ниже, чем в Западной. После унификации образовательное неравенство в Восточной Германии достигло уровня, характерного для западно-германской системы образования, что позволило исследователю сделать вывод о продолжительном влиянии институциональных реформ.

Пример Бразилии, образовательная система которой пережила существенный рост в период с 2002 по 2014 г., сказавшийся, прежде всего, в двукратном увеличении численности учащихся, дает возможность рассмотреть влияние институциональных изменений на образовательное неравенство с точки зрения образовательной экспансии. Основная задача реформирования заключалась в обеспечении доступа к образованию как в государственном, так и в частном секторе, особенно для выходцев из негритянских семей и семей с низким социально-экономическим статусом. В докладе бразильских социологов Ф. Карвалеса, К. Коста Рибейро и Ф. де Оливейра Пьексото рассматривается неравенство с точки зрения доступности образования для социальных групп, которые традиционно были исключены из образовательного процесса (с. 187).

Влияние образовательной экспансии на уровень образовательного неравенства рассматривается также на данных Японии. Выводы Шо Фудзихара и Хироши Ишида оказываются неутешительными: годы образовательной экспансии, расширение образовательных возможностей не привели к снижению неравенства (с. 335).

То, каким образом изменение институциональных правил может способствовать повышению или снижению уровня неравенства, показывает пример Тайваня (с. 211), где были изменены правила приема учащихся в среднюю школу: процедура вступительных экзаменов была заменена на учет успеваемости школьников. В данном случае под

¹ Далее ссылки на страницы тезисов будут указываться в круглых скобках.

неравенством понимается влияние родительской семьи на результативность испытаний при поступлении в среднюю школу. И-лин Чайнг делает вывод, что процедура вступительных экзаменов в большей степени, чем учет успеваемости, независима от влияния родительской семьи, а значит, в большей степени способна обеспечить равенство при отборе учащихся для поступления в среднюю школу. Таким образом, правила отбора учащихся могут как повышать, так и снижать влияние семейного происхождения.

В докладах указывались и новые виды образовательного неравенства, в том числе неравенство, возникающее в связи с выбором специализации при получении послешкольного образования. В настоящее время образовалась группа инженерно-технологических специальностей (STEM – Science, Technology, Engineering and Mathematics; Наука, Технология, Инженерные науки и Математика), которые обеспечивают обладателю соответствующего диплома более высокую зарплату, чем другие направления. Иначе говоря, образовательное неравенство может интерпретироваться и как неравный доступ различных социальных групп (к примеру, городской и сельской молодежи) к высокодоходным специальностям при получении послешкольного образования (с. 402).

Доходное неравенство в свете проблематики бедности, ее воспроизводства, детско-го труда (с. 712) также представлено в докладах конгресса. Вместе с тем традиционное доходное неравенство (income inequality) – в качестве не столько фактора, инициирующего другие виды неравенства или участвующего в формировании других неравенств, сколько самостоятельной исследовательской темы – уступило место **неравенству по богатству** (inequality in wealth). Рассматривается, например, межпоколенческая мобильность по богатству: каким образом передача богатства от родителей к детям сказывается на социальной стратификации и неравенстве возможностей (с. 204).

Мобильность была широко представлена на конгрессе. В этом исследовательском поле традиционные подходы, как и в случае с образовательным неравенством, соседствуют с нововведениями. Сохранилось традиционное понимание мобильности как показателя открытости общества. Новаторский элемент проявляется, прежде всего, в рассмотрении новых видов мобильности и в подходах к их изучению. Наряду с классической профессиональной мобильностью изучаются также мобильность занятости (трудовая мобильность), где ключевым фактором становится не просто смена рабочего места, но изменение условий труда; карьерная мобильность, изучаемая в связи с миграционными процессами и измеряемая по профессиональному статусу до и после переезда.

При изучении карьерной мобильности основной исследовательский вопрос – в какой степени квалификационный (человеческий) и социальный капиталы, полученные в одном обществе, конвертируемы в профессиональный статус в другом обществе. Иначе говоря, если классические исследования мобильности изучали степень открытости общества (проницаемость межклассовых границ, независимость социального перемещения от социального происхождения), то современники исследуют, насколько открытыми и проницаемыми оказываются межгосударственные границы. Как выясняется, легкость преодоления географических границ нивелируется возникающими институциональными барьерами. По сути, это означает возвращение к теоретическим основаниям, заложенным П.А. Сорокиным в «Социальной и культурной мобильности», что географическое и социальное пространства различаются, расстояния в них могут не совпадать [Sorokin, 1959: 3].

Наряду с изучением восходящей мобильности интерес вызывает и нисходящая мобильность. Во всяком случае признается, что факторы, за которыми закрепилась «репутация» триггеров восходящей мобильности, в определенных обстоятельствах могут приводить к понижению статуса. Например, пространственное перемещение (смена места жительства) не всегда приводит к восходящей мобильности.

Актуализация новых типов социальной мобильности привела к смещению исследовательского фокуса с межпоколенной мобильности на внутриспоколенную, т.е. на изменение социального статуса в пределах одного поколения, одного жизненного цикла. Вместе с тем расширились временные рамки межпоколенной мобильности и увеличилось число

поколений, вовлекаемых в анализ, – учитываются не только «дети» и «родители», но и «бабушки и дедушки» (с. 881).

Каковы теоретические основания? Представленные на конгрессе исследования имеют разнообразные теоретические основания: теории человеческого, социального капиталов, рационального выбора, модернизации, культурных изменений и др. Вместе с тем, несмотря на теоретическую пестроту, прослеживаются четыре очевидные тенденции.

Во-первых, востребована и не утратила актуальности модель достигнутого статуса П.М. Блау и О.Д. Данкана [Blau, Duncan, 1967]. При анализе социального неравенства задействованы два ее аспекта. С одной стороны, это использование в качестве аналитической модели описанного ими «треугольника», вершины которого образуют «Класс происхождения», «Образование» и «Достигнутый класс». С другой стороны, это предложенный О.Д. Данканом путевой анализ [Duncan, 1966], представляющий неравенство как последовательность взаимообуславливающих событий. При таком подходе анализ сводится к поиску новых факторов и обнаружению причинно-следственных связей между ними (с. 193). Какие бы новые неравенства и закономерности, с ними связанные, ни были открыты исследователем, все это – только новое звено в цепочке неравенств.

Во-вторых, наиболее часто используются теоретические построения П. Бурдьё, его теория капиталов и понятие габитуса. Отсылка к французскому социологу встречается в исследованиях, в центре внимания которых находится неравенство, основанное на культурных или институциональных различиях.

В-третьих, по-прежнему остается востребованным многофакторный подход к анализу неравенства, опробованный еще в 1970-е гг. и построенный на взаимодействии факторов разного уровня: индивидуальных факторов, которые выступают характеристиками индивидов и относятся к микроуровню анализа, и контекстуальных, характеризующих макроуровень. (В отечественной социологии данный подход широко применяется при анализе образовательного неравенства, он также послужил теоретической основой лонгитюдного исследования «Пути поколения» М. Титмы.) В качестве примера можно привести исследование, в котором на данных Австралии и США сравнивается влияние потери родителями работы на выход их детей на рынок труда после завершения образования. Установлено, что дети в этом случае долгое время не могут трудоустроиться. Однако получение степени бакалавра смягчает эту негативную связь в случае Австралии и не подтверждается на данных США, давая основания сделать вывод, что связь между получением образования, потерей родителями работы и переходом молодых людей от образования к труду может зависеть от контекстуальных факторов, таких как режим социального обеспечения, социальная политика, регулирующая занятость молодежи (с. 240). Примером исследования, где выявлена значимость индивидуальных факторов, социально-психологических характеристик, служит проект, посвященный сравнению двух типов представителей низкодородной группы – тех, кто сумел окончить курс в колледже, и тех, кто по каким-то причинам покинул его до завершения. На основе 59 глубинных интервью авторы исследования делают вывод: находясь в одинаково неблагоприятных материальных условиях, две группы («закончившие» и «незакончившие» колледж) различаются социально-психологическими установками (с. 76).

Четвертая тенденция заключается в том, что *классовый анализ*, поиск источников неравенства в существующих классовых различиях, анализ особенностей классового сознания остаются неотъемлемой частью стратификационных исследований.

Что с методологией исследований? С точки зрения исследовательской методологии и используемых данных, стратификационные исследования можно охарактеризовать как довольно консервативную часть социологии. Основу составляют количественные исследования, открывающие возможность применения регрессионного анализа, моделирования, различных аналитических техник. Здесь можно отметить следующие три особенности. Во-первых, очевидное преобладание лонгитюдных исследований, позволяющих проследить цепочку неравенств на протяжении нескольких поколений и дающих возможность

проводить анализ долговременных влияний. Как правило, подобные или панельные исследования служат основой для когортного анализа, где сравнивают две и более возрастные группы. Во-вторых, активно используются находящиеся в открытом доступе массивы сравнительных международных исследований (например, «Life in Transition» с репрезентативной выборкой по 33 странам, ISSP, East Asian Social Survey, EUCROSS, ESS). В-третьих, исследования основаны на больших выборках (самые маленькие массивы насчитывают около 3 тыс. опрошенных), что очевидно связано с применяемыми техниками статистического анализа.

В ходе конгресса обсуждались также результаты исследований, проведенных на базе *качественной методологии*. Наиболее распространенный метод – глубинное или полуструктурированное интервью, с проведением которого связывается получение информации о субъективном опыте, установках, интерпретации пережитых событий, корректировке утвержденных закономерностей. Например, канадским исследователям на основе анализа 10 интервью с научными сотрудниками, выходцами из рабочей среды, удалось показать, что успешность и восходящая мобильность вовсе не снимают классовых противоречий (с. 1011). В том случае, если индивид, имеющий опыт восходящей мобильности, обладает недостаточным человеческим или социальным капиталом, неподходящим габитусом, то среда, в которую он попадает, может обернуться эксклюзией.

На конгрессе были представлены и исследования на основе сочетания *разных методов*. В их числе – изучение домашних практик чтения, где проведение глубинных интервью комбинируется с элементами визуальной социологии. Фотографии, сделанные детьми дома и запечатлевшие моменты, связанные с практиками чтения, становятся затем предметом обсуждения с исследователями, выполняя роль «окна» в мир детского домашнего чтения, к материальным ресурсам, находящимся в распоряжении детей, к людям в их жизни (с. 423).

В меньшинстве остаются исследования, в которых получение данных и проводимый анализ учитывают возможности, связанные с появлением цифровых и интернет-технологий (например, находящиеся в открытом доступе данные социальных сетей).

Подводя итоги, можно утверждать, что сфера стратификационных исследований в настоящее время отличается противоречивостью и очевидным отсутствием качественного продвижения. С одной стороны, при отсутствии общей теории стратификации исследования опираются на широкий спектр теоретических разработок, самые «юные» из которых датируются 1980-и гг. С другой, при значительных объемах данных и изощренных аналитических техниках результаты проведенных исследований сводятся к открытию новых видов неравенства, новых последовательностей неравенства, которые, конечно, добавляют штрихи к привычной картине, но не меняют ее радикально.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Blau P.M., Duncan O.D. (1967) *The American Occupational Structure*. New York; London; Sydney: John Wiley & Sons, Inc.
- Book of Abstracts XIX ISA World Congress of Sociology. Abstracts: Common and Plenary Sessions*. Toronto. 2018. Madrid: University Complutense. (www.isa-sociology.org).
- Duncan O.D. (1966) Path Analysis: Sociological Examples. *American Journal of Sociology*. Vol. 72. No. 1: 1–16.
- Ganzeboom H.B.G., Treiman D.J., Ultee W.C. (1991) Comparative Intergenerational Stratification Research: Three Generations and Beyond. *Annual Review of Sociology*. Vol. 17: 277–302.
- Ganzeboom H.B.G., Treiman D.J. (2000) The Fourth Generation of Comparative Stratification Research. In: *The International Handbook of Sociology*. London: SAGE Publications Ltd.: 122–150.
- Hout M., DiPrete T.A. (2006) What We Have Learned: RC28's Contributions to Knowledge about Social Stratification. *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 24. No. 1: 1–20.
- Pfautz H.W. (1953) The Current Literature on Social Stratification: Critique and Bibliography. *American Journal of Sociology*. Vol. 58. No. 4: 391–418.
- Sorokin P.A. (1959) *Social and Cultural Mobility*. New York: The Free Press; London: Collier-Macmillan Ltd.

STRATIFICATION RESEARCH: BETWEEN PAST AND FUTURE

ЕПИХИНА Ю.Б.

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Russia

Yulia B. EPIKHINA, Cand. Sci. (Soc), Leading researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (epikhina@gmail.com).

Abstract. The article relays the major results of the section "Looking back and looking forward: present, past and future of socio-stratification studies" held at the 19th world sociological Congress. The review presents main topics, theoretical foundations and methodology of modern stratification studies. The article makes a point of addressing innovative ideas that enrich sociological knowledge.

Keywords: World Congress of Sociology, stratification, inequality, mobility.